

Хранитель Лукоморья

14 февраля пушкинская Россия отмечает столетие со дня рождения Семена Степановича Гейченко

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Краткая биография Семена Гейченко

Правила выживания в эпоху сталинизма сегодняшним сознанием непостижимы. Еще непостижимее правила созидания. Первое правило выживания — как можно дальше от политики. И Дмитрий Лихачев, и Семен Гейченко, казалось бы, ушли в дебри музейного академизма и уже тем себя обезопасили. Но ничего подобного. Именно такой уход вызывал максимум подозрений. Правда, Гейченко, выпускник петергофской мужской гимназии в отличие от Лихачева, как вся интеллигенция начала прошлого века, верил в социалистические идеалы. Но в последние десятилетия своей жизни он изжил в себе весь социализм полностью, без остатка. Приведу одно из его характерных высказываний: «Я очень разочаровался в социализме. Так верил, так радовался, когда работал, придумывал. А человек остался вероломен, лжив, коварен, зол, как был. Ленин говорил, что для преобразования России нам нужно сто тысяч тракторов. Сейчас у нас их миллионы, а где преобразование-то?.. Тут даже, наоборот — все к последним временам, всему пришел край... Если бы не Пушкин...»

Этому «если бы» и было отдало полвека жизни после лагеря, фронта, оторванной руки. Он прорывался с боями к Михайловскому, но не дошел. Фашисты оставили там выжженную землю. Сожгли и взорвали все, что горит и взрывается. Даже в могилу поэта зарыли взрывчатку. Только взорвать не успели. На искореженном пепелище стоял физически искореженный человек, похожий на эти израненные деревья и взорванные домишки.

В 1945 году Гейченко открыл в Михайловском свой Второй фронт. Теперь он прорывался к пушкинскому Михайловскому уже не в пространство, а во времени. И воевать приходилось уже не с немцами, а со своими отечественными невеждами. Доносы на Гейченко шли лавиной — храм восстанавливает, масонскую тетрадь Пушкина на стол положил, идеализирует

Родился в Петергофе. В 1925 году окончил литературно-художественное отделение факультета общественных наук Петроградского университета.

Работал в Управлении Петергофскими музеями, в Русском музее и в Литературном музее Института русской литературы АН СССР.

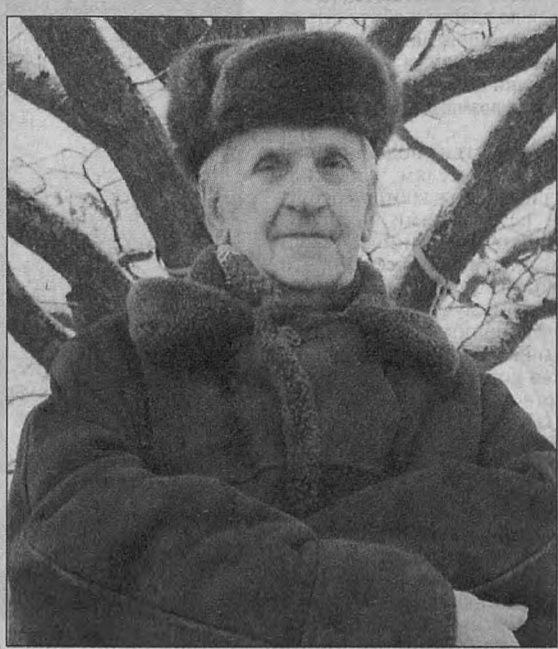
Был арестован как троцкист. Первая жена отказалась от него и дала детям другую фамилию.

С началом войны попросился в штрафной батальон. Потерял на фронте левую руку. Выйдя из госпиталя, женился вторично. Верная супруга, Любовь Джалаловна, покойся теперь рядом с мужем, на Вороничском кладбище.

1 июня 1945 года назначен директором Пушкинского государственного заповедника Псковской области.

Без малого пятьдесят лет восстанавливал из руин, развивал и украшал Михайловское, Тригорское и Петровское.

Скончался 2 августа 1993 года. Автор книг «Лукоморье», «В краю великих вдохновений», «Приют, сиянием муз одетый», «Пушкиногорье», «Сердце оставляю вам», «Завет внуку».

барский быт, тянет к прошлому... Всю эту чушь рассматривали в райкомах, обкомах, в ЦК на партактивах. А он терпеливо, по бревнышку отстраивал, восстанавливал, собирал. Колесил по Псковщине, собирая предания и воспоминания о Пушкине из вторых, третьих и четвертых уст. Собрал бесценный архив, еще не прочтенный. И одновременно он собирал самовары. С гордостью показал мне при встрече свою коллекцию. Я чуть было не спросил, причем тут самовары, но удержался. А недавно прочел в письме Гейченко: «Лаголю о Пушкине, Ганнибалах, самоварах». Тут целая философия. Каждая вещь из времени — свидетельство о человеке. Ганнибалы, самовары — как лихо сказано. Гейченко был не только хранителем. Он был создателем Михайловского. Новый подход к музейному делу. Мало хранить и реставрировать. Чтобы сохранить, надо создать. Он сажал новые деревья, зная, что со временем они по возрасту станут такими, каки-

ми были при Пушкине. Смело занимался новостроем — строить надо во все времена. Только так можно сохранить.

Неожиданным бедствием стало нашествие посетителей. Да, музей для туристов. Да, заповедник для людей. Но как спасти выгпываемые корни столетних лип на аллеях, по которым гуляли Пушкин и Керн? Как вернуть птиц, которые пели Александру и Анне свои серенады? Эту теорему Гейченко решил так и не удалось. Он с ужасом говорил, что сам навлек сюда все эти вереницы автобусов. К Пушкину должны идти паломники, а не туристы.

По своей природе он был, как и Лосев, отшельник и даже затворник. Только что без тайного построения. А, может, и с построгом, кто его знает. Он говорил о себе: «Я — Иов. Человек был одинок в эпоху Адама и Евы, тем более сегодня». С подозрением смотрел он на толпы, выпадающие из автобусов с тошнотворно орущими тран-

зисторами. Нет, в нем не было пушкинской широты, чтобы воскликнуть: «Здравствуй, племя младое, незнакомое». Современников Гейченко недолюбливал, но жизнь обожал. Бродил по лесу, дружил с уцелевшими деревьями и еще не улетевшими птицами, не разбавившимися во все стороны зайцами и белками. Дома он дружил с самоварами.

По образу мысли и образу жизни Гейченко очень близок к Пришвину. Такое же обожание, даже обожание природы. Такая же любовь к древнерусской речи. Такая же религиозность, естественная, как жизнь. И, наконец, умение жить среди советских «красных волков». Ведь создал Гейченко свой монастырь, свою Михайловскую пушкинскую обитель, распространив ее на многие километры. И все это трудом и очень простой молитвой. Он нам ее оставил: «О, Господи, владыка живота моего, дай мне силы для борьбы за промфинплан».

Живой голос

Фрагменты писем, адресованных С.С.Гейченко художнику В.М.Звонцову и опубликованных впоследствии в книге «А у нас, в Михайловском...»

Пушкинский погреб совсем раскопали. Все обследовали, замерили и зачертили. Был он длиной 5,5 метра на 4,5 метра ширины и глубиной 2 м 20 см. Пол был глинобитный, устланный кирпичом. Стены каменные, булыжные, на известии. Толщина стены 50 см. Когда копал, то нашел много разного черепья, бою, гвоздей кованых и костей говьящих...

В Пскове удалось мне в архиве почерпнуть кое-что новенькое, довольно интересное. Например, «Дело» о том, как Исаак Ганнибал убил вороничскую попадью в припадке любовной страсти... Интересное «дело» о развратной жизни другого Ганнибала — Петра Абрамыча. Одним словом, просидел я в архиве не зря...

В кабинете Пушкина на дверной филенке сделал отметку роста А. С. Пушкина. Публика всегда спрашивает о росте, в особенности с малыми размерами кровати. А росту-то Сергеевич был все же оскорбительного для мужика — 2 аршина, 3 вершка! Вероятно, поэтому так любил он носить большую шляпу с высокой тульей и туфли на французском каблучке!..

Воевал с пушкиногорскими отделами по благоустройству поселка по поводу разного благолепия, какое они задумали сделать в связи с тем, что у них остались неиспользованными денечки. Какое-то предприимчивые люди всучили им безобразные гипсы и бетоны — статуи пионеров, спортсменов, «спутников» и другие прелюбнейшие вещи. Сколько я ни доказывал недопустимость установки этого барахла в Пушкинских Горах, украсители остались при своем мнении. А виноват все же художественный фонд, который до сих пор формирует и распространяет всякую вульгаристику и порочающую по селам и поселкам, пользуясь темнотой и невежеством их начальников...

Сегодня возвратился я из Москвы, в которой провел семь очень светлых и светлых дней. Бог был милостив ко мне. Получил я для Запо-

ведника денечки, трактор, каток, бензопилы. Хлопотал всем телом, фибрами и нервами. Уехал обратно с огромным удовольствием. Потому что в Москве тяжело жить в обычное время, а в предпраздничные дни и вовсе невыносимо. Был я у Ираклия Андроникова. Он написал по моей просьбе свои письма разным министрам и генералам и вообще отнесся ко мне очень тепло и братски...

Ты спрашиваешь, чем же славен был наш Пушкинский праздник поэзии? Во-первых, многолюдьем. 25 тысяч мужиков, баб и интеллигентов сидели 6 часов на солнцепеке и, затаив дыхание, слушали упрямения поэтов и писателей. Во-вторых, книжный базар. На нем было невпроворот молодых и старых. Куплено за 5 часов 30000 книжек. В-третьих, очень хорошо прошло песнопение в Соборе... Одно скажу, народ был доволен. Никто не упился. Драк не было. Утопленников тоже...

Все мне теперь кажется пустым и ерундовым — дела, служба, обязанности, порученья... В Михайловском не осталось ни одной тропинки, ни одного уединенного уголка, ни одной кочки, где бы я не побывал. Все немилое, все опустылено... Душа неспокойна. Не спокойна еще и потому, что во мне растет с каждым днем страстное желание уйти, а куда уйти-то?

Теперь вот и призраки воображения все реже и реже посещают меня. Все вокруг — одна плоть. Одна физика — любители хорошо пожрать, попить, схватить потолще зарплату и спрятать кресло. Те, что поближе к моей шкуре, зорко всматриваются в каждую новую мою морщину, в каждый новый седой волос. Ждут удара колокола, извещающего об отходе...

Некто прислал мне предермный рассказ о Пушкине, который пишет сочиненье, изредка посматривая на диван, а на сем диване спящая красавица Ольга Калашникова. Пушкин курит и дым пускает. Решил проветрить комнату. Открыл форточку. Издали послышался гул Святогор-

ских колоколов. Ольга проснулась. Чихнула. Пушкин закрыл форточку и т. д. Некая дева из поселка Татьяны Иркутской области прислала сочинение о своей любви к Пушкину на 18 страницах. Требуется отзыва «хотя бы в двух словах». А я хочу ответить тремя словами: ...

Я уже писал тебе, что нанес на магнитофонную ленту гармонию моих колоколов. Недавно вечером взял я эту машину и отправился в Пушкинские Горы. Зашел в Собор, залез на колокольню и запустил магнитофонную ленту... Когда звуки вырвались на волю, мне показалось, что по всему древнему саду обители, освещенному луной, стал разливаться веселый звон повсюду. Белые стены Собора, белый обелиск на могиле Пушкина, белые березы у входа в Анастасьевские ворота, белый, всюду белый, белый снег и черные тени, и далекая луна, стоящая как раз надо мною, казалось, перестали жить своей особой жизнью. В мягком холодном воздухе звуки перестали быть металлическими. Все кругом стало как-то особенно приветливо...

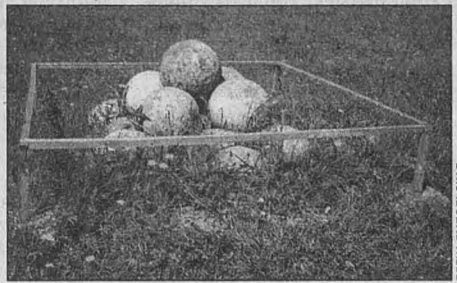
Я почувствовал себя, как Бог на седьмой день творенья, и уверовал в то, что колокола должны быть повешены на звоннице, и это будет благо...

Вот и 158-я Пушкинская михайловская годовщина пришла! Докладчиков приехала целая свора. Вчера весь вечер гудели кто во что горазд. Ужасно! Страшно вспоминать. Все забывают, что Пушкин был вечно живой поэт, а не мраморная статуя, не чучело гороховое, не декабрист-мотоциклист...

Хочешь верь — хочешь не верь, что я временами сижу в одиночестве и горько плачу. За свою жизнь я пережил море обид. Кружился вокруг разных графов, герцогов, баронов, императоров, обкомов, знаменитостей разных сословий и пр. А они смотрели на меня презрительным взглядом, ибо для них я был пещбарбос, скотина безрогая, вонючая портянка и рваный лапоты!..

Дом Гейченко на реконструкции.

Древние каменные ядра, сложенные на городище Воронич.

Теперь над могилой Пушкина звонят настоящие колокола.

ЕЛЕНА ЯМПОЛЬСКАЯ

ЕЛЕНА ЯМПОЛЬСКАЯ

ЕЛЕНА ЯМПОЛЬСКАЯ